

Крэйг Калхун

УНИВЕРСИТЕТ И ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО¹

Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан.

Карл Маркс. Тезисы о Фейербахе

Общедоступное образование было одним из распространенных требований у рабочих во времена Маркса. Признавая, что люди формируются обстоятельствами своего развития и что знание — это сила, социалисты (и не только они одни) призывали к открытому доступу к обучению, свободе печати, необходимой для воспитания общественного мнения, и развитию институтов, которые будут использовать научное знание на благо общества. Они развивали критическую теорию именно для того, чтобы выявить влияние знания на социальные изменения, даже если оно само формировалось социальными контекстами. Такие призывы исходили от публики, не связанной с университетами, которые в середине XIX века оставались преимущественно консервативными, клерикальными институтами. Сама наука еще не проникла внутрь большинства университетов, хотя кантианская критическая теория была академическим проектом. Призывы к общедоступному знанию касались начального и среднего образования, приобретения грамотности и общих научных знаний. И все же существовала сильная традиция независимых интеллектуалов-любителей, которая способствовала распространению высоких устремлений. Уильям Блейк и Том Пейн не были продуктами университетов, даже если большинство их немецких коллег были таковыми.

Тем не менее работы Блейка и Пейна читают и вспоминают главным образом в университетах. То же можно сказать и о Марксе. И это имеет серьезные последствия и для публичной сферы, и для места университетов в ней. Критическая теория, которая до начала XX века развивалась в основном

¹ Calhoun C. The University and the Public Good // Thesis Eleven. No 84. February 2006. P. 7–43.

вне академической среды, теперь нашла свое пристанище внутри нее — и, следовательно, вопрос о том, насколько хорошо или плохо ученые связаны с более широкой публикой, является основным. Одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе гласит: «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Для этого необходимо, чтобы критическая теория поддерживала связь с обществом.

Развитие академических дисциплин и междисциплинарных областей, профессионализация университетской работы, улучшенная материальная база для научно-исследовательской деятельности и открытие университетов для студентов из рабочего класса, женщин, этнических меньшинств позволили продвинуться вперед в познании и способности университетов выполнять свои общественные задачи. И все же они вызвали определенные сомнения насчет содержания этих общественных задач. И этот вопрос стал еще более острым в результате серьезных изменений, происходящих теперь в университетах и более широких системах высшего образования.

В основе большинства рассуждений об общественной роли естественных и гуманитарных наук, преподавательской и научно-исследовательской деятельности лежат две неявные просвещенческие посылки. Они заключаются в том, что знание может быть одновременно авторитетным и демократическим и что оно может одновременно вдохновлять общественные дебаты и использоваться специалистами. Развитие в XIX и XX веке определялось этим единым проектом, но между обозначенными двумя аспектами легко могут возникнуть трения и даже противоречия. В этой статье не предлагается идеальное решение этих трений; наоборот, в ней показывается их обострение и возрастание неравенства и новые способы инструментальной оценки университетов как поставщиков частных благ, которое сделало непрочной интеграцию этих двух идеалов.

Университеты становятся еще более неравными, а высшее образование и научно-исследовательская деятельность организуются, финансируются и продаются на рынке в еще более широком — национальном, региональном и глобальном — масштабе. Даже для тех, кто признает, что стремление к качеству всегда сопряжено с неравенством, здесь возникает ряд вопросов. Прежде всего, должны ли механизмы достижения, признания и вознаграждения качества превращаться в системы, которые ведут к искажению академических инструментов и созданию неравенства, намного превышающего действительные различия в качестве? Должны ли качественные различия между институтами, интеллектуальными подходами и человеческими устремлениями, связанными с образованием, сводиться к единой иерархии, в которой в конкуренции за должности вознаграждается узкий круг потенциальных ценностей или достижений? И должны ли рынки и системы рейтингов переходить от стимулирования продуктивности к ее сужению и от поощрения самостоятельности к принуждению институтов к конкуренции, становящейся самоцелью? И если да, то как это повлияет на идею работы университетов на благо общества?

На мой взгляд, основная проблема состоит в нарастании противоречия между качеством и доступностью. Оба термина являются идеологическими.

В описании Билла Ридингса,² «качество» — это используемый нереперенциальным образом термин, предполагающий наличие у университетов и многих других современных корпораций неких достоинств. Такая терминологическая мода получила особенно широкое распространение в конце XX века, когда университеты увлеклись проведением маркетинговых и PR-кампаний, реструктуризацией и конкурентной борьбой за места в рейтингах. Ридингс утверждает, что на смену старому идеалу «университета культуры» пришел новый идеал «университета качества».³ В этом, безусловно, есть доля истины, но, на мой взгляд, трения между идеалами качества и доступности имеют давнюю историю в высшем образовании. Риторика качества подверглась трансформации, в результате которой было усвоено специфическое понимание «качества», восходящее к Аристотелю и связанное с соизмеримостью, а не с качеством проделанной работы в самых различных и несопоставимых областях жизни. Но в том, что вышло сегодня на передний план, нет ничего нового: речь идет о стремлении к признанию и занятию более высокого положения по сравнению с другими.

Точно так же «доступность» — это идеологический ярлык для обозначения трансформации старых форм элитарных и зачастую закрытых университетов в центральные институты современных и все более демократических обществ, которая делает возможным присвоение сложившегося престижа новыми или трансформированными институтами. Она также делает возможным сосуществование двух различных смыслов слова «доступность»: когда знания знаний, созданных или сохраненных в университетах, становятся доступными для более широкого общества и когда происходит открытие университета для ранее исключенных или недостаточно представленных в нем групп. Хотя распространение знания не приводит к его обесцениванию, с дипломами дело обстоит совершенно иначе; и в современных обществах создание дипломированных элит было основной задачей университетов. Большая доступность могла привести к более открытому и меритократическому распределению существующих дипломов, но на деле она, конечно же, вызвала инфляцию дипломов и повышенное внимание к различиям в престижности между внешне одинаковыми дипломами.⁴ Расширение или «омассовление» университетской системы повлекло за собой множество изменений.

На протяжении большей части XX столетия расширение систем высшего образования происходило благодаря росту государственного финансирования. Во многих случаях этот рост прекратился, и даже началось сокращение финансирования. Активнее стали действовать частные фонды. Источниками финансирования теперь являются плата за обучение студентов, раз-

² Readings B. *The University in Ruins*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. Ch. 2.

³ Ibid. P. xx.

⁴ См.: Collins R. *Credential Inflation and the Future of Universities* // *The Future of the City of Intellect* / Ed. S. Brint. Stanford: Stanford University Press, 2002; Collins R. *The Credential Society*. N.Y.: Academic Press, 1979.

личные пожертвования, инвестиции корпораций и лицензирование разработанных университетскими исследователями технологий. При этом рост инвестиций в научно-исследовательскую деятельность и связанных с ней затрат подстегивался статусной конкуренцией и стремлением к общественному благу и частным выгодам для инвесторов. Образование стало уделять все больше внимания профессиональной экспертизе и обеспечению частных выгод, а не производству важных общественных благ, наподобие образованных граждан.

Основная задача критической теории состоит в рассмотрении институциональной организации знания и публичной сферы, а также институтов, лежащих в ее основе.

ЧЕТЫРЕ СМЫСЛА «ОБЩЕСТВЕННОГО / ПУБЛИЧНОГО»

Принято считать, что университеты должны заниматься выполнением задач, которые ставит перед ними общество. Они предлагают образование, которое подготавливает граждан для работы, связанной с обслуживанием общества (медицина, право) или, по крайней мере, в принципе востребованной обществом для экономического развития или иных целей. Они способствуют социальной мобильности (хотя вопрос о том, обеспечивают они чистую мобильность или просто подтверждают переход в средний класс, остается открытым). Они создают новые технологии и другие инновации. Они помогают сохранять и развивать культуры. Они оказывают непосредственное влияние на публичную сферу и готовят граждан для участия в ней. Представление об университете как об общественном институте распространено настолько широко, что Джерард Деланти (Delanty 2005: 430) отмечает, что «университет можно считать парадигматическим институтом публичной сферы и современности вообще».

Необходимо поднять вопрос о четырех смыслах «общественного»: 1) откуда берутся деньги? 2) кто руководит? 3) кто получает выгоду? и 4) как производится и распространяется знание?

Прежде всего, существует финансирование, которое поддерживает академическую работу и институты. Кто его обеспечивает? Правительство, благотворительные организации, освобожденные от уплаты налогов или получающие иные субсидии, плата студентов за обучение или контракты с корпорациями? Во многих странах мира представление о том, что университеты способствуют общественному благу, служит основой для прямого государственного финансирования и управления университетами, а также для косвенного финансирования, включающего предоставление стипендий студентам, освобождение от уплаты налогов и косвенное управление посредством аккредитации и других систем регулирования. Там, где университеты построены как частные корпорации (наиболее показательным примером в этом отношении служат Соединенные Штаты), они обычно организуются на некоммерческой основе при поддержке церквей, благотворительных фондов или просто независимых организаций. Некоммерческим

университетам, как правило, предоставляется льготный режим налогообложения с учетом их общественной миссии и различные правительственные субсидии. Широкою косвенною государственную поддержку получают даже коммерческие университеты.⁵

И все же университеты — это важные механизмы распределения частных благ, включающие создание преимуществ на рынке труда для своих выпускников, обеспечение профессорско-преподавательского состава работой и различными привилегиями и предоставление благотворителям возможности освобождения от налогов. Коммерческие университеты, конечно, также могут получать прибыль. Но нередко частную выгоду преследуют и университеты, считающиеся общественными и некоммерческими. В действительности, в последние годы погоня за такой выгодой только усилилась, так как некоторым университетам удалось получить огромные доходы от коммерческих проектов, связанных преимущественно с биотехнологиями и информационными технологиями. Лишь немногие получают действительно серьезную прибыль от лицензий, совместных предприятий и других коммерческих механизмов, но их богатство побудило множество других университетов к реорганизации и попыткам извлечь выгоду из коммерческого потенциала научно-технологических исследований.⁶ Несмотря на то что наиболее полно эта тенденция раскрылась в Соединенных Штатах, она наблюдается и в других странах. На это, например, направлена европейская политика в области высшего образования, которая, правда, до сих пор была не слишком успешной. И во всем мире университеты стремятся повысить свою экономическую конкурентоспособность на местном и национальном уровне благодаря квалифицированной рабочей силе и интеллектуальной собственности.

Второй вопрос о руководстве неразрывно связан с тем, какие обязательства влекут за собой различные виды финансирования. Университеты всегда притязали на большую автономию. Даже в эпоху средневековья они опирались на частное покровительство и иногда на поддержку политических лидеров, стремясь ослабить контроль со стороны церковной иерархии. Как модернизирующиеся институты, тесно связанные с национальными государствами в Европе XIX–XX веков, они выработали сильную идеологию ака-

5 В Соединенных Штатах все более широкое признание получает представление о том, что коммерческие университеты должны быть уравниены в правах с некоммерческими и включены, например, во все федеральные программы помощи. В этом, например, состояла основная идея резолюции палаты представителей № 609, которая, по-видимому, должна лечь в основу соответствующего законопроекта.

6 Коммерческое финансирование академических исследований привлекает все большее внимание. См., напр.: Bok D. *Universities in the Marketplace*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003; Geiger R. L. *Knowledge and Money: Research Universities and the Paradox of the Marketplace*. Stanford: Stanford University Press, 2004; Kirp D. *Shakespeare, Einstein, and the Bottom Line*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003; Krinsky Sh. *Science in the Private Interest*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003; Washburn J. *University, Inc.: The Corporate Corruption of Higher Education*. N.Y.: Basic Books, 2005.

демической свободы, утверждая, что без нее они не смогут заниматься передачей знаний или обеспечением культурной легитимности, которых требовало от них государство. Со времен средневековья университеты заявляли о своем праве на самоуправление. Это зачастую означало особый подход к участию в принятии решений внутренней элитой (профессура), который Вебер назвал «коллегиальным». Но самоуправляющиеся университеты первыми пришли к корпоративной форме организации, которую позднее принял капиталистический бизнес. И некоторым из них удавалось накопить значительный экономический (и культурный) капитал, чему способствовало существование института на протяжении нескольких поколений. Коллегиальное руководство постепенно растворилось (хотя и не до конца) в правлениях и тому подобных институциональных механизмах, взявших на себя фидуциарную ответственность за этот капитал. С ростом государственного финансирования правительство обычно опиралось на правление или доверенных лиц, сохраняя за собой право предлагать свои кандидатуры.⁷ Требование автономии остается сильным и сейчас, когда университет сталкивается с новым давлением со стороны государства и рынка и когда произошло значительное ослабление его аппарата самоуправления.⁸

Третий момент: существуют различные «продукты», производимые университетами, которые «общество» может считать более или менее ценными и которые могут распределяться более или менее равным, открытым или справедливым образом. В этом отношении существует решающее различие между продуктами, которые непосредственно являются общественными (например, образованное население или более здоровое общество), и продуктами, которые будут присваиваться в качестве частных благ (например, дипломы, позволяющие получить высокооплачиваемую работу, или пользующиеся спросом технологии).⁹ Несмотря на очевидную рыночную полезность последних, не вполне понятно, почему они должны оплачиваться обществом. И общество платит за них дважды: в первый раз, когда оно субсидирует высшее образование, и во второй, когда оплачивает дорогостоя-

7 О том, кто и за что отвечает в современных университетах, см.: R. Ehrenberg (ed.). *Governing Academia*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.

8 Это не только вопрос перекрестного контроля, но и новых, главным образом иерархических механизмов внутреннего управления. Во времена роста студенческого движения протеста Жак Барзун, проректор Колумбийского университета, открыто призвал к опоре на профессиональных управляющих: «Если сейчас привлечь молодых, то со временем они смогут стать высшими чиновниками и признанными профессионалами, не занимаясь научной работой; они смогут пользоваться престижем и досконально знать жизнь кампуса; и лучше любой другой силы, человеческой или электронной, они смогут наладить работу огромной машины». Barzun J. *The American University: How It Runs, Where It Is Going*. Chicago: University of Chicago Press, 1968. P. 19.

9 Некоторые, но не все из первых являются общественными благами в особом экономическом смысле слова: их потребление трудно ограничить и/или легко получить без больших затрат. Но нет никаких оснований полагать, что блага, которые являются общественными в этом смысле, — это единственные блага, которые общество желает получить от институтов или рынков.

щие услуги профессионалов. Со временем университеты сами стали придавать больше значения объему обеспечиваемых ими частных благ и экономическому характеру предлагаемых ими общественных благ: например, новые технологии и помощь местным отраслям. Иными словами, они сосредоточили внимание на инструментальных оправданиях, а не на ценностно-рациональных объяснениях важности знания и культуры и неэкономической трактовке вклада в общественную жизнь, связанного, например, с развитием личности или гражданства.

Четвертый вопрос касается степени публичности работы университетов и исследователей в них, то есть возможности свободных и открытых споров между исследователями, которые способны привести к критическому рассмотрению, исправлению ошибок и оценке интеллектуального качества идей на основании логики и приводимых доказательств, а не на основании степеней или институциональной и политической поддержки.¹⁰ Насколько такая внутринаучная и внутриакадемическая коммуникация пересекается с более широкой публичной сферой вне университета и влияет на нее? Насколько академическая работа способна вызывать широкие общественные дебаты, влияя на более специализированную выработку политики, и подстегиваться ими в ответ? В последние десятилетия университеты играли важную роль, привнося знание и критический взгляд, а подчас и критическую дистанцию, в общественные споры. И это имеет большое значение, не в последнюю очередь, для проектов, вроде более публичной социальной науки, стремящейся не только сблизить академическое и более широкое использование знания, но и осуществить лучшую критику университетов и самого общества.¹¹

Эти различные смыслы «общественного / публичного» не имеют четкой корреляции друг с другом. Но, несмотря на их важность, при обсуждении вопроса о судьбе университета они либо смешиваются, либо — частично — оставляются без внимания. В действительности, одна из проблем, с которыми сталкиваются университеты, состоит в слабой артикуляции характера и обоснования общественных расходов и общественного правления, связанных с достижением общественного блага, — проблема, которая выходит далеко за рамки университетов, хотя они должны быть заинтересованы в ее решении. И от понимания университетами самих себя и своей «обществен-

¹⁰ Этот «этнос науки» был сформулирован в классической статье Роберта Мертона «Наука и технология при демократическом порядке», которая неоднократно переиздавалась в пересмотренном виде. См.: Merton R. K. *Social Theory and Social Structure*. N.Y.: Free Press, 1968. P. 604–615.

¹¹ В последнее время раздается все больше призывов к большей открытости социальной науки для общества. Они особенно заметны в антропологии, истории, политической науке и социологии и связаны с основанием новых журналов и попытками соединить структуру научных вознаграждений с достижениями в публичной коммуникации и вызовами сложившимся дисциплинарным иерархиям. См.: Calhoun C. *Toward a More Public Social Science // Items and Issues*. Vol. 5. No. 1–2 (Spring-Summer 2004). Возможно, наиболее последовательным сторонником идеи открытой для общества социологии является Майкл Буравой. См. его президентское обращение к Американской социологической ассоциации: Burawoy M. *For Public Sociology // American Sociological Review*. 2005. Vol. 70. No. 1. P. 4–28.

ной» природы и роли будет зависеть решение противоречия между качеством и доступностью.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ И СТРУКТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

С самого начала следует пояснить, что университет не является единственно возможной основой порождения знания для блага общества или критического интеллектуального анализа; в эпоху Нового времени в Европе и современная наука, и критическая социальная теория получили распространение не только внутри, но и вне университетов (гуманитарные науки были сильнее, хотя и не полностью укоренены в университетах). И, конечно, университеты создавались и развивались с множеством иных целей, помимо свободного критического или научного исследования, и с множеством ограничений, накладываемых на него. Тем не менее даже средневековые университеты были важными центрами более или менее независимой мысли, интеллектуальной жизни, и они обладали по крайней мере частичной автономией от центральных политических и религиозных властей, играя на противоречиях между ними. Несмотря на сопротивление многих старых университетов новым видам знания и исследования и несмотря на отсутствие связи научной революции раннего Нового времени с академической средой, университетам в конечном итоге удалось справиться с этими трудностями.

С конца XVIII века университеты играли все более важную роль в опосредовании производства знания для общественных целей и общественного доступа к этому знанию. В Британии этот процесс развернулся в эпоху «шотландского Просвещения» с трансформацией университетов в Глазго и Эдинбурге; они были не только центрами обучения и научного исследования, но и институтами, которые связывали такие стремления с общественной жизнью и дебатами. И этот процесс продолжился с развитием Лондонского университета и провинциальных университетов XIX века, несколько более медленной трансформацией старых университетов и созданием новых в середине XX века, переопределением университетского сектора с целью включения в него «политехнических» и других институтов и дальнейшей экспансией, развернувшейся в начале XXI века. В Соединенных Штатах колониальные университеты, созданные на чисто религиозной основе, изначально играли важную общественную роль и постепенно расширяли область преподаваемых предметов; в отдельных штатах – Вирджинии, Северной Каролине и Джорджии – университеты, которые финансировались за счет общества и должны были выполнять общественные задачи, были основаны с появлением новой республики; закон Моррилла, принятый в 1862 году, привел к созданию университетов на «дарованной земле» с очень широкими практическими задачами и программами обслуживания общества; а послевоенный бум вызвал еще большее расширение университетов штатов. В 1850-х годах в Австралии были основаны Сиднейский и Мельбурнский университеты, программа которых была разделена на классические предметы и естественные нау-

ки и ставила перед собой цель, как и в британских университетах той поры, обеспечение «полезного знания». Умеренной экспансии способствовали финансирование со стороны религиозных организаций, частная благотворительность и государственная поддержка. Продолжался рост университетов в столицах различных штатов: одни создавались заново законодательными решениями, другие объединялись с существовавшими ранее техническими учебными заведениями. В 1950–1960-х годах было построено множество новых университетов, а еще раньше волна слияний и поглощений привела к появлению объединенных многокампусных университетов. Во всех этих случаях трансформация сопровождалась обращением к новым предметам, возрастанием значения исследований и публикаций и более открытым доступом к высшему образованию для студентов (и преподавателей), имеющих неэлитарное социальное происхождение. Экспансия, которая открыла доступ для неэлиты, прежде всего, была сопряжена с созданием новых институтов; старые элитарные институты реструктуризировались, превращаясь в вершину более широкой системы, а не в непревзойденные образцы для подражания.

Наиболее важным фактором структурной трансформации высшего образования и научно-исследовательской работы было простое расширение масштабов. Рассмотрим его вкратце. Менее 3% американцев в конце XIX века вообще посещало колледж, не говоря уже о том, чтобы закончить его и получить диплом. К 1930-м годам в американских колледжах и университетах училось 1,5 миллиона студентов. В 1947 году — 2,3 миллиона; в 1994 году эта цифра составила 14,2 миллиона, а сейчас она равна 17,3 миллиона. Сегодня более двух третей молодежи посещает колледж или университет; и более половины колледжей и университетов, действующих сегодня в Соединенных Штатах, не существовало до начала Второй мировой войны.¹² Каждый год в США присваивается более миллиона степеней бакалавра. В Британии число студентов, получающих высшее образование

ЭКСПАНСИЯ, КОТОРАЯ ОТКРЫЛА ДОСТУП ДЛЯ НЕЭЛИТЫ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, БЫЛА СОПРЯЖЕНА С СОЗДАНИЕМ НОВЫХ ИНСТИТУТОВ; СТАРЫЕ ЭЛИТАРНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕСТРУКТУРИЗИРОВАЛИСЬ, ПРЕВРАЩАЯСЬ В ВЕРШИНУ БОЛЕЕ ШИРОКОЙ СИСТЕМЫ, А НЕ В НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЕ ОБРАЗЦЫ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

12 U. S. Bureau of the Census. Historical Statistics of the United States. 2 vols. Washington: U. S. Government Printing Office, 1976. Statistical Abstract of the United States, 2004; Enrollment in Postsecondary Institutions, Fall 2003; Graduation Rates 2000 Cohorts; and Financial Statistics, Fiscal Year 2003. Washington: National Center for Education Statistics, 2005; Lucas Ch. J. Crisis in the Academy: Rethinking Higher Education in America. N.Y.: St. Martins Press, 1996. P 12.

в очной форме, выросло с 25 тысяч в начале века до 50 тысяч в межвоенный период и до 216 тысяч в 1962–1963 годах. К 1972–1973 годам оно снова удвоилось и составило 453 тысячи человек. К 1997–1998 годам высшее образование в очной форме получало 1,2 миллиона студентов.¹³ Подобный рост характерен для большинства богатых стран мира, хотя и в различное время.

Число профессоров, необходимых для обеспечения этого более высокого уровня образования, выросло с 246 тысяч в 1949–1950 годах до почти миллиона сегодня. Соответственно росло и число выпускников, имевших ученые степени. В 1920 году в США было присвоено 615 докторских степеней. Сейчас каждый год присваивается более 43 тысяч.¹⁴ Но здесь есть большие различия и неравенство. Многие новые интеллектуалы работают в университетах, но условия этой работы существенно разнятся на различных уровнях иерархии (и различия стали еще более заметными, когда спад в 1970-х годах заставил прибегнуть к мерам по сокращению издержек). Общее звание – профессор – может означать совершенно разные вещи.

Поэтапное развитие общественных университетов прошло, особенно в начале XX века и во время послевоенного бума. Поначалу они все еще оставались элитарными институтами, по крайней мере по положению в обществе, которое должны были занимать выпускники. Они открыли возможность для получения высшего образования детям из семей рабочего и среднего классов, а также женщинам и меньшинствам; и некоторые из них стали необычайно сильными интеллектуальными центрами. В Соединенных Штатах и в Британии новые университеты играли непропорционально большую роль в развитии социологии и некоторых других социальных наук. Послевоенная экспансия была отражением бэби-бума и экономического роста, а также четкой государственной политики, направленной на предоставление высшего образования большей части населения. Не ясно, насколько это повлияло на социальную мобильность; во многом этот рост истолковывался как «инфляция дипломов».¹⁵ Не создав большего равенства, экспансия привела к появлению нового неравенства среди самих институтов высшего образования. Если раньше поступление в университет свидетельствовало об элитарном статусе, то теперь большое значение приобрел вопрос о том, *что именно* это за университет. Возникла скрытая стратификация, когда степень различия между институтами была неочевидной для студентов и их родителей. Также произошло расширение разрыва между качеством и доступностью.

Точно так же в Британии внешнее выравнивание, предполагавшее расширение университетского сектора и включение в него политехнических институтов, создало новую конкурентную арену. Лишь немногие новые университеты могли эффективно конкурировать за средства, выделяемые на исследования, но принять широко изоморфную институциональную структуру стремились все. На деле это мешало некоторым из них выделять

13 UK Office of National Statistics, STATBASE.

14 National Center for Educational Statistics // Digest of Educational Statistics. 1996; The Condition of Education. 1997; Statistical Abstract of the United States. 2002.

15 См. прим. 3.

и вкладывать средства в более специальные ниши, которыми пренебрегала традиционная исследовательская элита. В то же самое время новое конкурентное давление повысило значимость относительного положения в иерархии высшего слоя признанных университетов. Лишь немногие из них могли продавать себя студентам из других стран (и лишь немногие могли обходиться без государственного финансирования и опираться только на плату за обучение). На национальном рынке растет конкуренция за студентов и частные пожертвования. Именно этой конкуренцией вызван огромный интерес к рейтингам и стремление занять в них высшие позиции. Австралия сталкивается со схожими проблемами. В 2002 году заявление австралийского министра образования Брендана Нельсона о том, что Австралия нуждается в «университете мирового класса» вроде Гарварда и что слишком много австралийцев поступает в университеты, способствуя укреплению культуры бездарности, вызвало серьезные споры в обществе. В ответ бывший проректор Университета Канберры Дон Айткин вообще поставил под сомнение идею «мирового класса» и представление об академической конкуренции в духе футбольных матчей. Он заявил, что Австралия не нуждается в нескольких университетах мирового класса — нужно лишь немного «хороших».¹⁶ Это столкновение между различными идеалами организации высшего образования происходит во всем мире. Совместимость высоких идеалов и практических нужд ставится сегодня под сомнение.¹⁷

Заимствуя термин Юргена Хабермаса из названия его работы, посвященной публичной сфере, я бы сказал, что университеты (и системы высшего образования в целом) переживают «структурную трансформацию». Хабермас установил возникновение особой ориентации на политически значимую общественную коммуникацию в XVIII веке, в которой особенно ценились беспристрастные суждения об общественном благе. Для этой публичной сферы одинаково важны открытость и рационально-критический дискурс. Во многом это связано с развитием демократии. Однако, согласно Хабермасу, открытость и рационально-критический дискурс вступали в противоречие друг с другом. По мере расширения публичной сферы качество дискурса снижалось, и она становилась более уязвимой для массовой манипуляции общественным мнением посредством рекламы, эмоциональных призывов и тому подобного. Демократам предстояло найти решение проблемы того, как воссоздать коммуникацию, которая лежала в основе представления о разумном коллективном выборе, совершаемом осведомленными гражданами, не скатываясь при этом к элитарности.¹⁸ Анализ Хабермаса

16 Aitkin D. One Great University for Australia? // Submission 206, Higher Education Review. 28 June 2002 (<http://www.backingaustraliasfuture.gov.au/submissions/crossroads/pdf/216.pdf>).

17 Как уже было отмечено выше, такие противоречия не всегда связаны с материальными потребностями; наблюдаемые противоречия иногда бывают ложными противоречиями; они могут быть обусловлены несовершенными интеллектуальными схемами или какими-то особыми политическими целями.

18 Habermas J. *Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. Критики поднимают вопрос об адекватности рационально-критического дис-

касается знакомого университетским кругам противоречия между качеством и доступностью.¹⁹

Сегодняшняя трансформация высшего образования и науки и их отношений с государством, благотворительными организациями и иными источниками финансирования поднимает схожие вопросы. Идея университета, развивавшаяся столетиями, была существенно пересмотрена в конце XIX — начале XX века. Роли научной работы (развитие накопленного знания) и образования (обучения студентов) были приспособлены к новому представлению о производстве знания как об основе социального прогресса, экономического роста и облегчения людских страданий. Именно в эту эпоху сложились многие организационные особенности университета в Соединенных Штатах (и в различной степени во всем мире, что отчасти было обусловлено тем, что в эту эпоху Америка начала экспортировать свою образовательную модель, как, например, в случае с Яньцин-Гарвардом, который лег в основу Пекинского университета). В этот период докторская степень стала считаться подтверждением права для занятия должности на факультете; и именно тогда появился студент, специализирующийся в определенной области. В эту эпоху было основано большинство научных обществ в отдельных дисциплинах и сложилось привычное трехчастное деление гуманитарных, социальных и естественных/физических наук.²⁰ Это также была эпоха, когда профессиональные школы, которые часто создавались отдельно от университетов, например, школы права, были включены в новую и более сложную институциональную структуру. Университеты стали важным местом сосредоточения локальных городских или гражданских и национальных амбиций и публичного дискурса.

Эта волна структурных трансформаций надолго определила форму и пред-

курса и представления об осведомленном гражданине для понимания роли публичной сферы и обвиняют Хабермаса в том, что он оставляет без внимания другие аспекты публичной коммуникации и гражданства, которые также важны для демократии (см.: Calhoun (ed.) *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge, MA: MIT Press, 1992; Schudson M. *The Good Citizen*. 1996; Warner M. *Publics and Counterpublics*. N.Y.: Zone Press, 2001. Те же вопросы возникают и по поводу соотношения высшего образования и знания. Разве это не касается, например, социализации подростков?

19 В «Структурной трансформации публичной сферы» Хабермас не рассматривает еще одно противоречие, которое будет описано мною ниже, между экспертным знанием детерминированных процессов и знанием, которое определяет личный или общественный выбор. И эта трудность, на мой взгляд, очень важна как для публичной сферы в широком смысле слова, так и для академической среды. В поздних работах Хабермас обращается к статусу экспертного знания. См., напр.: Habermas J. *Toward a Rational Society*. Boston: Beacon, 1971.

20 Именно тогда были приняты судьбоносные решения относительно того, куда должны входить соответствующие области исследования. В Америке проходили споры, во многом схожие с немецким *Methodenstreit*, и точно также (на мой взгляд, неверно) из общих дисциплин выделялись частные. Важным решением для Америки было отнесение религии к гуманитарным наукам на том основании, что ее областью исследований было прошлое, мораль и вневременные истины, которые невозможно было верифицировать методами науки. См.: Reuben J. *The Shaping of the Modern University*. Chicago, 1995.

ставления американского университета о самом себе. Но в послевоенную эпоху произошла еще одна важная волна трансформации. Это была эпоха, когда Кларк Керр изобрел термин «мультиуниверситет», касавшийся не только масштаба, но и степени, в которой университеты включали в себя множество различных функций и областей деятельности.²¹ Они включали, например, больницы и информационно-консультационные службы в сельском хозяйстве (хотя на самом деле они были изобретены во время более ранней волны инноваций). Они становились своеобразными спутниками кампусов; во многих штатах создавались мультикампусные системы, зачастую сочетавшие в себе различные типы образовательных учреждений — от ориентированных на удовлетворение потребностей местного сообщества колледжей с двухгодичным обучением до исследовательских университетов.²² Расходы университетских библиотек существенно выросли, и они часто преподносились как общие ресурсы. Университетские компьютеры использовались не только для научных исследований, но и предоставлялись для работы множеству внешних пользователей. Поскольку все американские исследовательские университеты (и многие другие) имеют жилые кампусы, экспансия вызвала бум жилищного строительства и сделала университеты крупными землевладельцами. Этот процесс зашел настолько далеко, что мы можем даже заменить термин Керра «мультиуниверситет» *мегауниверситетом*. Примечательно, что те же тенденции не позволяют ему оставаться просто университетом.

Структурная трансформация конца XIX — начала XX века в высшем образовании запустила процесс превращения научно-исследовательской деятельности в основную задачу (и статью бюджета) для университетов — по крайней мере, для тех, что стремятся получить признание у себя в стране и за рубежом. Постепенно, но с нарастающей скоростью в послевоенный период научно-исследовательская деятельность во многих областях была переведена из второстепенного занятия преподавателей отдельных факультетов в полномасштабную, дорогостоящую и финансируемую извне работу, требующую сложных организационных структур. В какой-то степени это затронуло также социальные науки, но почти никак не сказалось на гуманитарных. Соответственно научно-исследовательской работой стала заниматься элита «исследовательских университетов», выделившаяся — хотя и не полностью — из остальной массы, что вызвало стремление к более высокому статусу в рамках общей модели, а не четкого разделения задач. Продуктивность исследований — основной способ, которым институты конкурируют за престиж, и они требуют этой продуктивности от своих профессоров и преподавателей.

21 Kerr C. *The Uses of the University*. rev. ed. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.

22 Возникновение другой разновидности мультикампусной интеграции можно было наблюдать в ходе консолидации институтов в Австралии. Подобно тому, как в середине XX века планы развития калифорнийских университетов связывались с программами роста штата, недавнее переустройство австралийского высшего образования также было тесно связано с программами экономического роста. См.: Marginson S., Considine M. *The Enterprise University: Power, Governance and Reinvention in Australia*. Melbourne: Cambridge University Press, 2000.

давателей даже тогда, когда они почти не дают времени и средств для проведения таких исследований.²³

В отдельных областях науки и техники резко возросли расходы на финансирование исследований. Этот рост с трудом поддается оценке отчасти вследствие большого числа источников финансирования — от федерального правительства через благотворительные фонды до деловых корпораций. Даже в том, что касается государственного финансирования, 5,5 миллиардов долларов бюджета Национального научного фонда меркнут по сравнению с 28 миллиардами долларов Национальных институтов здравоохранения, не говоря уже о министерстве обороны, и этот перечень можно продолжить: вспомним различные программы сельского хозяйства, образования и обеспечения правопорядка. Множество источников финансирования — одна из отличительных особенностей американской науки и академической среды. Но во всем мире научно-исследовательская деятельность (и подготовка научных работников) стала занимать главное место, в том числе и в расходных статьях. С ростом значения и расходов в некоторых областях, наподобие науки, медицины и инженерии, произошли изменения во внутриорганизационном балансе университетов.

Современный университет, таким образом, отражает идеалы знания античности, Средневековья и раннего Нового времени, научной революции XVII–XVIII веков, трансформации высшего образования в XIX веке, начатой Гумбольдтом в Германии, развития университета как исследовательского института в ней же и особенно в англоязычных странах, огромного роста в XX веке, связанного с внутренней дифференциацией и трансформацией в финансировании. Подобное влияние испытали на себе и университеты наиболее богатых и некоторых других стран.²⁴ По мере роста американского экономического и политического могущества происходил более или менее явный экспорт американской модели. Этот рост в последнее время был наиболее сильным, так как он, по-видимому, вписывался в контекст неолиберальной глобализации. Хотя в этой модели большее значение имеет частное финансирование, было бы ошибкой рассматривать его вне контекста и пренебрегать общественным финансированием или общественными целями, которыми обосновываются налоговые послабления даже для частных университетов.²⁵

²³ См. об этом: Geiger. Knowledge and Money. Op cit.

²⁴ Одно из наиболее важных различий в национальных моделях заключается в том, что не во всех случаях научные исследования находятся в ведении университетов. В советской системе, которая по-прежнему сохраняет свое влияние в некоторых странах, университеты в основном занимаются обучением студентов, а исследовательская работа является вотчиной отдельных академий. Неуниверситетские финансируемые государством исследовательские институты в континентальной Европе и других частях света распространены неравномерно.

²⁵ «Болонский процесс», направленный на создание европейской модели высшего образования, содержит многие черты американской модели. Но «американская модель» — это абстракция, в которой часто упускаются некоторые особенности американского высшего образования, наподобие роли спорта, пожертвований выпускников и опыта проживания на кампусе. См.: Calhoun C. The Specificity of American Higher Education // Comparative Social Research. 2000. Vol. 19. P. 47–81.

Несмотря на различия в национальных моделях, университет стал играть важную роль в современных обществах, особенно в XX веке.²⁶ Это, конечно, было обусловлено центральным значением знания в современных обществах и растущим использованием этого знания бюрократиями, рынками и демократической политикой. В этой небольшой статье у меня нет возможности подробно рассмотреть сложности, связанные с использованием «знания» в столь различных контекстах, или вопрос о соотношении идеи «общества знания» с идеями «капиталистического» или «индустриального» общества. Но мне бы хотелось обратить внимание на то, что знание присутствует во всех основных социальных трениях не просто как неравномерно распределенный ресурс, а как по-разному понимаемое «благо». И здесь университеты как «институты знания» (или «города интеллекта», по выражению Кларка Керра) занимают центральное, но противоречивое положение.

СТРУКТУРНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Несмотря на важность трансформации конца XIX — начала XX века и после Второй мировой, мы еще не пришли к полному осознанию произошедшего. Большинство чиновников от образования говорит о возможности сочетания качеств, которые сегодня все более тяготеют не просто к разделению, но и к представлению себя в качестве альтернатив. Иными словами, каждая из этих более ранних трансформаций была собирательной, она включала в багаж университета больше функций, сохраняя более или менее последовательную приверженность идеям качества и открытости и двоякому пониманию знания, применимого детерминистским образом и влияющего на личные и общественные решения. Новые структурные преобразования пошатнули идею о возможности одновременного сочетания этих качеств. И поэтому вопрос о том, какие именно функции могут и должны быть сохранены и какими именно университетами, теперь становится предметом важных политических дебатов. Помимо общественной или академической политики, этот вопрос касается также коммерческих инвестиций: если бизнес финансирует научные исследования университетов, то он также может решить заняться проведением этих исследований самостоятельно, не ставя себя в зависимость от университетов. Несмотря на преобладание академических и общественно финансируемых исследований, многие науки, связанные с жизнью человека, и исследования в области информационных технологий развиваются сегодня внутри частных фирм и независимых исследовательских центров. Но университетские исследования по-прежнему

26 Национальные системы различались и продолжают различаться во многих отношениях. Ранее мной уже был обозначен вопрос о том, насколько тесно исследовательская работа связана с преподаванием. В Соединенных Штатах университеты часто занимались множеством различных видов деятельности и имели множество различных организационных подразделений — от информационно-консультационных программ в сельском хозяйстве до радио- и телестанций, больниц, спортивных команд и развлекательных заведений.

сохраняют центральное значение и требуют больших затрат, и на фоне разговоров о связи этих исследований с обучением и другими задачами университета происходят серьезные изменения, связанные с источниками финансирования и распределением средств между отдельными областями.

Придание особого значения исследовательской работе связано с противоречием между качеством и доступом. С одной стороны, современные общества ценят стремление к знанию высшего «качества», понимаемому в гуманистическом (вековая мудрость), в более научном (приобретение нового знания) или коммерческом (основа для технологии и других «приложений») ключе. Считается, что оно должно сделать человеческое общество лучше, причем настолько, что оно должно стать совершенным, даже если это означает, что править в нем сможет только узкая элита. С этой точки зрения, знание может отвечать интересам общества, даже если оно не получает в нем широкого распространения. Поразительно, но качество университетов часто

ПОРАЗИТЕЛЬНО, НО КАЧЕСТВО
УНИВЕРСИТЕТОВ ЧАСТО ОЦЕ-
НИВАЕТСЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ИХ ЗАКРЫТОСТИ. ИНСТИТУТЫ
С САМЫМ ВЫСОКИМ КОНКУРСОМ
СЧИТАЮТСЯ ЛУЧШИМИ

оценивается с точки зрения их закрытости. Институты с самым высоким конкурсом считаются лучшими, потому что конкурс — это важный показатель (студенты выбирают университеты, исходя из этого) и потому что в этом состоит их задача (наличие лучших студентов позволяет добиваться наивысших показателей).²⁷ С другой стороны, общественная поддержка университетов во многом основана на предоставлении образования гражданам, максимально широком распределении и производстве знания в соответствии с четко и ясно сформу-

лированными общественными задачами (а также с учетом конечной пользы для общества). Часто это называют одним из определяющих принципов демократии, поскольку последняя зависит от образованного населения, а также от экономического развития, для которого необходимы специальные знания и общий уровень образования участников.

Первый идеал — качество знания — более тесно связан с исследовательскими задачами университета, а второй — доступ к знанию — более тесно связан с задачей обучения. Но эта корреляция неидеальна. Университеты различа-

²⁷ Конечно, работа университета может оцениваться по-разному. Но отбор наиболее способных студентов позволяет университетам добиться положительного влияния на других студентов и делает более вероятным сохранение связей с университетом после окончания учебы в нем. См. об этом: Geiger R. Knowledge and Money: Research Universities and the Paradox of the Marketplace. Stanford: Stanford University Press, 2004. Кроме того, сильные студенты могут косвенно облегчать работу преподавателей, позволяя профессорам излагать материал на более высоком уровне, приближенном к их исследовательской работе.

ются по степени своей доступности для абитуриентов и интеллектуальным стандартам своего обучения. И университеты имеют множество различных средств, которые позволяют сделать производимое (воспроизводимое, проверяемое и сохраняемое) ими знание доступным более широкой публике. Кроме того, университеты пытаются привить своим студентам способность оценивать притязания знания критически, занимаясь основным для научно-исследовательской деятельности делом проверки и оценки обоснованности утверждений и распространяя его на общественную и профессиональную жизнь. Качество и доступность являются целями и исследовательской, и преподавательской деятельности, хотя, возможно, и в разных пропорциях. Кроме того, различные цели имеют отношение к различным вещам: мы соглашаемся со стремлением к качеству в теоретической физике и математике, которые понятны исключительно посвященным и по определению недоступны для других. Мы хотим, чтобы специалисты проделали качественную работу *от имени всех остальных из нас*, и мы обычно не считаем доступность важным вопросом (конечно, это может служить объяснением того, почему у нас — по крайней мере, в США — плохо обстоят дела с преподаванием физики или математики для учеников средней школы или студентов университетов, не специализирующихся на этих предметах). И наоборот, когда дело касается избирательной политики или институтов социального обеспечения, мы склонны считать эзотерическую специализацию недостатком, а доступность — достоинством, потому что суть этого знания должна быть понятна гражданам.

Здесь проявляются последствия второго аспекта противоречия, связанного с природой знания и университетами. С одной стороны, высшее образование и исследовательская работа производят эзотерическое знание, которое будет использоваться специалистами. С другой стороны, они производят доступное знание, выносимое на публичное обсуждение. Обычно мы не считаем доступность более важным достоинством, чем качество: «плохое знание для всех граждан» — лозунг не слишком распространенный. Но мы ожидаем различных последствий, например, от того, что физики сообщат НАСА о термостойкости космического челнока и что антропологи сообщат ВТО или Всемирному банку о праве на интеллектуальную собственность коренных народов. Дело не в эзотерическом знании и не в том, что доступность для более широкой публики во втором случае кажется более важной. Дело в том, что мы считаем, что цель одного знания состоит в предоставлении бесспорной рекомендации специалиста политикам, а цель другого — в том, чтобы помочь гражданам найти решение в общественных дебатах по спорным вопросам. Дело в равной степени касается бесспорности / неизбежной спорности и качества / доступности знания. Очевидно, что существует большая промежуточная область, где эти две цели сочетаются. Считается, например, что «профессии, требующие специальных знаний (*learned professions*)»,²⁸ идеально

²⁸ Первоначально к ним относились теология, медицина и право; в настоящее время к этой категории относят также инженерное дело и научную и педагогическую деятельность. — *Прим. перев.*

сочетают высокий уровень технической компетентности с более широким общим образованием, которое позволяет выносить суждения и делает профессионалов полезными в качестве граждан и вне специализированных профессиональных знаний.

То, что я называю «экспертным» знанием, не ограничивается рекомендациями политикам. Это знание связано, например, с технологией и медициной как областями экспертной практики и областями, в которых технические новшества оцениваются во многом на основании того, работают они или нет (и сколько они стоят). Очевидно, что не все знания в этих областях надежны и не все надежные знания выражены явно. Технология и медицина также зависят от невыраженного явно знания, связанного с практическими ориентациями и навыками профессионалов. Тем не менее спрос на знание врачей и разработчиков технологий — это во многом спрос на определенные функциональные результаты. Хотя гуру менеджмента в школах бизнеса иногда используют научную риторику и хотя покупатели их книг надеются, что содержащиеся в них рекомендации окажутся полезными, оценка достоверности тезисов, выдвигаемых этими гуру, оказывается совсем не простой задачей. Возможно, они дают информацию к размышлению и помогают в принятии решений, но очень редко речь идет о четких и определенных правилах для действия. Профессора истории или английского языка или литературы могут иметь очень точные и надежные эмпирические знания, приобретение которых может иметь большое значение для их карьеры и для признания среди коллег. Но потребность в их работе во многом связана не с предоставлением определенных функциональных результатов, а с предоставлением информации к личному и публичному размышлению по вопросам, неразрешимым при помощи детерминистских правил. Способность проводить аналогии с более ранними историческими эпохами или событиями, связывать настоящее с прошлым или разбираться в тонкостях произведений художественной литературы и их связи с контекстами их создания зависит от реального знания. Но те, кто стремится к получению таких способностей, создавая спрос на преподавание истории и филологии, обычно (и, я бы сказал, вполне разумно) считают своей задачей информирование, а не детерминирование решений, которые они будут принимать как индивиды и граждане.²⁹

Этот второй аспект в определенной степени коррелирует с различными областями исследования, хотя и не полностью. Политики более склонны обращаться за техническими разъяснениями к инженерам, а историки,

29 Различие между экспертным знанием детерминистских процессов и практическим знанием, влияющим на принятие решений, не совпадает с различием, выявленным в ходе *Methodenstreit*, между номотетическими или обобщающими и идеографическими или индивидуализирующими дисциплинами, хотя определенная связь между ними все-таки существует. О том, почему я считаю позиции, обозначенные в результате *Methodenstreit*, бесполезными для социологии см.: Calhoun C. Explanation in Historical Sociology: Narrative, General Theory, and Historically Specific Theory // American Journal of Sociology. Vol. 108. P. 846–871.

по-видимому, более склонны писать книги, которые находят широкую читательскую аудиторию и вызывают общественные дебаты. Но следует учитывать два ограничения, связанные с этим обобщением. Прежде всего, я говорю здесь о *спросе* на различные виды знания и о надеждах, которые могут возлагаться теми, кто предоставляет средства, как «клиентами» на специалистов в этих областях. Это в той или иной степени может сказываться на этосе отдельных областей, определяющем внутренние стили споров и профессиональные ценности. Публика, например, может ценить историков за общие и доступные исторические повествования, но сами они ценят открытие новых фактов, анализ определенных событий и обсуждение различных причинных объяснений. Кроме того, хотя можно выделить различные области с точки зрения преобладающих образцов спроса, те же различия существуют внутри каждой области. Одни врачи придают особое значение «обоснованной медицине» и правильному применению определенных правил лечения, а другие придают особое значение отношениям врача и пациента, доверительному общению с пациентами и широкому распространению знаний о здоровье. И внешние источники финансирования академической медицины — скажем, страховые компании и отдельные пациенты — отдают предпочтение одному или другому из этих подходов. Точно так же одни хозяева средств (и администраторы, действующие в их интересах) хотят, чтобы профессора английского языка и литературы больше заботились об экспертном знании (даты рождения и смерти Байрона или размер, используемый в его стихотворениях), а другие больше заинтересованы в исследованиях того, каким образом литература отражает или формирует меняющиеся нормы гендера или сексуальности.³⁰

Изменения в степени финансирования университетов, связанные с теми или иными ожиданиями, по-разному будут влиять на различные области и поддержку различных направлений академической работы внутри областей и между ними. С XIX века «полезное знание» определялось главным образом с точки зрения технологии и экспертизы. И сегодня оно все чаще принимает характер знания, которое может продаваться как интеллектуальная собственность или составлять практику более или менее закрытой профессии. Частные инвестиции здесь вполне объяснимы. Другой вопрос — должны ли они финансироваться за счет государства, хотя, конечно, может существовать общественная потребность в некоторых видах технического знания или профессиональной квалификации, которые пользуются спросом на частном рынке. Такое общественно-значимое знание может быть одним из оснований для государственных инвестиций в университеты. Знание истории и институтов своей страны, мировой литературы и мировой религии, экономической глобализации, индивидуальной психологии и современных социальных проблем большим, а не меньшим числом людей считается благом.

³⁰ Несколько противоречивый анализ «фрактального» характера различий между академическими дисциплинами и внутри них см.: Abbott A. *Chaos of Disciplines*. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

Прежде чем перейти к рассмотрению финансирования и различных смыслов публичности, подведем краткий итог. Университеты ценятся, финансируются и играют важную роль в современных обществах потому, что они производят знание и делятся им. Они ценятся за качество и доступность своего знания, а также за детерминистское применение и недетерминистское обоснование личного или публичного выбора. Степень, в которой различные ценности вступают в противоречие, и степень проявления таких противоречий менялась со временем.

Эти два измерения во многом определяют сегодняшнюю организацию академического поля. И постоянно ведется борьба за свою «долю» на этом поле: виды и качество производимого знания, степень, в которой они разделяются, и вознаграждения, получаемые различными участниками. Также имеет место соперничество внутри самого поля, поскольку университеты (а также профессора и преподаватели) стремятся занять лучшие позиции в результате мобильности или — реже — в результате борьбы за изменение самого поля.³¹ Но полем высшее образование делают общественные инвестиции в авторитетное знание. Те, кто делает акцент на доступности, по-прежнему должны сохранять приверженность качеству. Ибо если поле не имеет авторитетного знания, то в нем нет ничего ценного, что в нем можно было бы поделить.³² Конечно, значение «авторитета» может быть оспорено не в последнюю очередь со стороны измерения, разделяющего

31 Термин «поле» используется здесь в том смысле, который вкладывал в него Пьер Бурдьё; см.: Bourdieu P. *Homo Academicus*. Stanford: Stanford University Press, 1988; Bourdieu P. *The State Nobility*. Stanford: Stanford University Press, 1996. Бурдьё анализирует поля как относительно ограниченные структуры отношений и практик (позиций и занятия позиций), основанные на различных формах капитала, включая притязания на того или иного рода авторитет.

32 Это в равной степени касается отдельных полей в университете и университетского поля в целом. Призывы к публичной социологии, таким образом, отличаются от простого распространения научных открытий, связанных с решением публичных проблем, которые предлагаются социологией. Но если социология — это только стиль аргументации, анализа или обоснования, а не поле, обладающее неким авторитетным знанием, то ей почти нечего предложить обществу. Социологи ценятся в публичном дискурсе, потому что поле поддерживает притязания на знание, которое считается хуже или лучше обоснованным. Это создает предрасположенность поля к иерархии, хотя, конечно, всегда возможен избыток иерархии, не связанный с действительной работой поля. См.: Calhoun C. *The Promise of Public Sociology* // *British Journal of Sociology*. 2005. Vol. 56. No 3. P. 355–363.

детерминистское, техническое знание и практическое знание, которое определяет публичные или личные суждения. С точки зрения первого, авторитет заключается в более или менее «позитивистских» доказательствах; с точки зрения второго, авторитет заключается в критической общественной оценке. Но вновь существуют общественные инвестиции в поле. Самые детерминистские научные притязания, основываются на критической оценке другими экспертами; самые публичные аргументы о спорном по своей сути знании все еще связаны с притязаниями на истинность.

Вопрос в том, как повлияет неравенство и изменение приоритетов и финансирования различных типов получения знания на общие инвестиции университетских интеллектуалов — исследователей и преподавателей — в поле в целом. Не менее важен вопрос о том, насколько границы поля отвечают задаче достижения разумного баланса между внутренней критической оценкой притязаний на знание со стороны подготовленных ученых и взаимодействием с внешним обществом, которое может помочь университетским интеллектуалам в выборе соответствующих исследовательских программ, и осознания практических и иных проблем, связанных с результатами проделанной ими работы и с распространением знания. Смещение границ в сторону большей публичности может подорвать способность производить авторитетное знание. Излишне усердное оберегание границ может привести к утрате практической значимости исследований, снижению действенной передачи знания и сокращению возможной общественной поддержки академических исследований.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Первый смысл «общественного/публичного», описанный выше, касается финансирования университетов. Трудно избежать словоупотребления, которое приравнивает «государство» к «обществу», но важно помнить, что у последнего термина имеется множество значений. Сюда относятся открытость и доступность для самой широкой публики, а финансирование правительства не всегда обеспечивает академическую открытость. Очевидно, что это справедливо для определенных областей исследования, связанных с национальной безопасностью, где «общественное» финансирование сопряжено с ограничениями на раскрытие результатов соответствующих исследований. Или, хотя большинство элитарных университетов в Соединенных Штатах — частные, а большинство открытых — в основном государственные/общественные, во многих других странах мира дело обстоит иначе: государственные университеты привлекают выпускников средних школ из высших и средних слоев общества, а частные, иногда коммерческие, университеты предлагаются остальному обществу. Во всяком случае во всем мире раздаются требования или производится сокращение государственной поддержки для исследовательских университетов. И университеты идут на сокращение штата или находят иные источники доходов. Некоторые номинально «общественные» университеты — например, Мичиганский

университет в Соединенных Штатах — теперь получают огромные доходы из негосударственных источников.³³

Первый из этих источников — плата за обучение, вносимая студентами и их семьями. В отдельных штатах университеты теперь устанавливают большую плату за обучение даже для местных студентов, не говоря уже о приезжих. Хотя общественные университеты редко требуют более 30.000 долларов в год, выставляемых большинством элитарных частных университетов, плата за обучение в них обычно не бывает меньше 15.000 долларов в год. И финансируемые государством университеты во всем мире требуют такой платы, а иногда, как в Британии, самые элитарные порывают с правилами и ограничениями, соблюдение которых позволяет претендовать на определенное государственное финансирование, и назначают еще более высокую плату.

Все большая опора на оплату, вносимую студентами за свое обучение, означает распределение высшего образования на основе возможности платить (богатство и доход) и свидетельствует о росте неравенства. Имеются данные о том, что вследствие роста платы за обучения в школах студентами общественных университетов становятся почти исключительно выходцы из средних и высших слоев. Но на самом деле картина не так проста. Дело в том, что существует огромный разрыв между официальными расценками и суммами, которые действительно выплачиваются студентами. Тем или иным образом 73 % студентов получают финансовую помощь.³⁴ В частных американских университетах на протяжении последних нескольких десятилетий все большее признание получает стратегия «выше расценки, больше помощь», которая позволяет предоставлять студентам значительные субсидии. Такую стратегию принимают и общественные университеты, повышая плату за обучение. Но важно понимать, что субсидии не обязательно предоставляются исходя из экономической нужды. Университеты используют сложные формулы для оптимизации приема студентов и распределения финансовой помощи. Самые богатые, наподобие Принстона, могут сделать своей единственной целью максимизацию «качества» (в их понимании) студентов. Другие в различной степени также должны стремиться уравновесить качество студентов ожидаемыми расходами. Другие в различной степени стремятся достичь баланса между качеством студентов и ожидаемыми доходами. На деле они вынуждены делать «скидки» в плате за обучение не только с учетом нужды в этом студентов и родителей, но и с учетом их готовности и способности платить. Поскольку университеты конкурируют друг с другом

33 В этом разделе описываются тенденции и используются примеры из Соединенных Штатов; к сожалению, у нас почти нет сравнительных исследований, но см.: Clark B. R. *Places of Inquiry: Research and Advanced Education in Modern Universities*. Berkeley: University of California Press, 1995.

34 «Enrollment in Postsecondary Institutions, Fall 2003; Graduation Rates 2000 Cohorts; and Financial Statistics, Fiscal Year 2003». Washington: National Center for Education Statistics, 2005. Данные касаются тех институтов (а они составляют подавляющее большинство), студенты которых имеют право на получение финансовой помощи от государства.

за лучших студентов (и за рейтинги, основанные на «конкурсе» и привлекательности для таких студентов), они используют скидки для привлечения студентов с отличными оценками, которые позволят сохранить или улучшить их положение, взимая при этом большую плату с других.³⁵ Это значит, что на некоторых более бедных студентах и студентах из среднего класса высокие цены могут и не сказаться вовсе. Кроме того, низкие цены, ранее устанавливавшиеся университетами штатов, частично субсидировали студентов из среднего класса и богатых студентов, а доступность платного высшего образования во многих случаях служит источником открытости или доступности системы в целом.

Возможность введения высокой платы за обучение связана с престижем, хотя не все студенты платят по «прейскуранту». Образуется замкнутый круг, когда престиж определяет конкурс, который повышает качество (действительное или воображаемое), гарантирующее рост доходов, а также заявлений от абитуриентов и, следовательно, еще более высокий конкурс и отбор.³⁶ Рынок высшего образования — это «позиционный» рынок, на котором решающее значение имеет относительное положение в иерархии.³⁷ Более высокое положение позволяет извлекать более высокую прибыль. Очевидно, что более высокое положение в прошлом лучше предсказывает сохранение более высокого положения в будущем, чем какая-то особая политика или достижения в настоящем. И, конечно, на репутацию влияет продуктивность университетов, хотя иногда такое влияние бывает трудно проследить. Элитарные университеты считаются наиболее производительными, что способствует росту их исследовательской репутации. Исследования (и тесно связанная с ними подготовка аспирантов) заметно выросли за последние семьдесят лет и особенно с 1960-х годов. Исследования позволяют привлекать дополнительные ресурсы напрямую и играют решающую роль в повышении институционального престижа. Исследования учитываются в опросах, на основании которых составляются влиятельные рейтинги, наподобие тех, что публикуются в *U. S. News and World Report*, и косвенным образом повышают престиж университетов. Они оказывают также более прямое влияние, связанное с более формальными и систематическими оценками Национального научно-исследовательского совета. Исследования, зачастую

35 См. об этом: Geiger. *Knowledge and Money*. Ch. 3; Kirp. *Shakespeare, Einstein, and the Bottom Line*. Op cit.

36 См.: Hoxby C. M. *How the Changing Market Structure of U. S. Higher Education Explains College Tuition* // Working paper 6323. Cambridge, MA., National Bureau of Economic Research, 1997; Winston G. *Subsidies, Hierarchies, and Peers: The Awkward Economics of Higher Education* // *Journal of Economic Perspectives*. 1999. 13. P. 13–36. Анализ рынков высшего образования в иных условиях, где оплата студентами своего обучения играет меньшую роль, см.: Simon Marginson. *Australian higher education: national and global markets* // *Markets in Higher Education: Rhetoric or Reality?* / Eds P. Teixeira, B. Jongbloed, D. Dill, A. Amaral. Dordrecht: Kluwer, 2004. P. 207–240 и *Markets in Education*. Sydney: Allen and Unwin, 1997.

37 Такие рынки характерны для «общества, в котором победитель получает все», описанного Робертом Фрэнком и Филиппом Куком: Frank R. H., Cook Ph. J. *The Winner-Take-All Society*. New York: Free Press, 1995.

оцениваемые по узким и произвольным критериям, также играют важную роль в появившихся недавно международных рейтингах.

Это вызывает свои противоречия, не последнее место среди которых занимает противоречие между требованиями продуктивности и вниманием к подготовке студентов. В этом состоит основная причина постоянных сетований потребительски ориентированных студентов и заботливых законодателей по поводу пренебрежительного отношения к студентам, которых, как нам говорят, следует считать главными «клиентами» университетов.³⁸ В этом также состоит одна из причин перепроизводства подготовленных докторов, по крайней мере, на рынке университетского труда. И в этом состоит причина увеличения иерархического разрыва между элитарными университетами, которые, как считается, предлагают академическое качество, и более доступными университетами, которые (независимо от своих действительных академических достоинств) дают меньше преимуществ на рынке труда для своих выпускников. Лишь в немногих американских университетах прием студентов осуществляется слишком избирательно. Большинство из них частные. Некоторые общественные университеты, наподобие Беркли, Мичигана и Северной Каролины, достаточно сильны, чтобы иметь возможность продавать престиж — культурный капитал — за сравнительно небольшую цену. У них есть стимулы для того, чтобы обеспечить лучших исследователей всем необходимым, в том числе материальными средствами и свободой, отчасти потому, что они вынуждены действовать с прицелом на будущее и оставаться привлекательными для своих выпускников и других потенциальных благотворителей. На более низких ступенях этой иерархии степень обеспеченности и дальновидности снижается, а вместе с ними снижается и заинтересованность в предоставлении исследователям широкой свободы. Поскольку большинство университетов в основном продает простые дипломы (университетское образование как квалификация, а не как статусное благо), они имеют меньше стимулов для того, чтобы дополнительно платить профессорско-преподавательскому составу за особые заслуги. Даже если некоторые институты участвуют в аукционной борьбе за «звезд», большая часть университетской работы пролетаризируется — нагрузка растет, гарантии занятости снижаются, свобода заниматься своей программой сокращается, а работа контролируется.

Объяснением сложившейся ситуации служит иерархия и связанное с ней соотношение выгод и потерь от качества/доступности. Финансовая помощь делает высококласные институты доступными для некоторых студентов на основании способностей, а не классового происхождения. Но оказание такой помощи на деле только усиливает иерархическую систему, в которой

38 В этих сетованиях научно-исследовательская работа часто понимается как занятие, отвечающее собственным интересам университетских профессоров, а не интересам студентов. В этом случае обычно оставляется без внимания вопрос о том, насколько вся система ориентирована на производство еще большей научно-исследовательской работы и требует ее от профессоров в качестве условия продвижения по службе или получения иных вознаграждений.

«победитель получает все». Для сохранения своего господства в этой системе самым богатым исследовательским университетам необходимы иные источники средств, помимо платы за обучение студентов. И здесь самое время обратиться к частным пожертвованиям и доходам от исследовательской деятельности.

Научные исследования на протяжении последних пятидесяти лет становились все более важной и дорогостоящей составляющей университетской жизни. Расходы на оборудование для проведения биомедицинских исследований намного превосходят расходы на факультеты социальных и гуманитарных наук. Большая наука означает большие вложения в лаборатории и прочую инфраструктуру, а также в большее число исследователей. Во многом эти расходы оплачиваются американским правительством, причем

значительная часть средств идет на науки, связанные со здоровьем человека. 57 % федеральной помощи университетским исследованиям выделяются одними только Национальными институтами здравоохранения. На Национальный научный фонд приходится еще 15 %, а на министерство обороны — 10 %. Большая часть такого финансирования касается фундаментальных исследований. В то же время рост инвестиций частных корпораций не привел к простому переходу от «чистой» науки к «прикладной». «Прикладная» наука преобладала и раньше,

и у нее были свои проблемы. Финансирование со стороны частных фондов и даже индивидуальных спонсоров не всегда позволяет ученым заниматься тем, что интересно им самим или важнейшими вопросами в соответствующих областях. Значительная часть средств идет на приобретение довольно специфической продукции для практических целей. И в этом нет ничего дурного; это не противоречит теоретическому или иному прогрессу, но это служит сдерживающим и ограничивающим фактором.

Прямые связи университетов с бизнесом неплохо освещены.³⁹ Примерно 25 университетов ежегодно получают десятки миллионов долларов в виде лицензионных выплат за изобретения и открытия университетских ученых. И хотя немногим удается заработать на этом более 100 миллионов долларов в год, многие участвуют в этой игре, не получая большой отдачи, а иногда и в ущерб себе. Конечно, большинство мечтает о том, чтобы разбогатеть, сделав большое открытие, но этого не происходит. Игра про-

ФИНАНСИРОВАНИЕ СО СТОРОНЫ
ЧАСТНЫХ ФОНДОВ И ДАЖЕ ИНДИВИ-
ДУАЛЬНЫХ СПОНСОРОВ НЕ ВСЕГДА
ПОЗВОЛЯЕТ УЧЕНЫМ ЗАНИМАТЬСЯ
ТЕМ, ЧТО ИНТЕРЕСНО ИМ САМИМ
ИЛИ ВАЖНЕЙШИМИ ВОПРОСАМИ
В СООТВЕТСТВУЮЩИХ ОБЛАСТЯХ

39 См.: Washburn J. University, Inc.

должается отчасти потому, что исследования приносят престиж и деньги не только напрямую. Одним из возможных источников получения прибыли служат корпоративные дотации и участие в разработке новых исследований и продуктов, которые могут выйти (или не выйти) на рынок и принести лицензионные доходы. Наиболее показательным в этом отношении сотрудничество Калифорнийского университета в Беркли с корпорацией *Novartis* — гигантом в агробизнесе. *Novartis* первым приобрел права на проведение исследований в школе сельского хозяйства в Беркли, потратив на это сотни миллионов долларов.⁴⁰ Хотя эта сделка была необычайно крупной и вызвала много шума, каждый день заключается множество менее масштабных сделок.

Заметим, что Беркли — это общественный, финансируемый штатом институт. Спор о сделке *Novartis* отчасти касался вопроса о том, изменил или нет Беркли своей общественной миссии, занимаясь исследованиями для частной корпорации, а также о том, получило ли общество достаточное возмещение, поскольку большая часть полученных средств шла на исследования, а не на покрытие предшествующих инвестиций государства. Схожий вопрос ставится еще жестче, когда дело касается результатов исследований, финансируемых из федерального бюджета: они должны принадлежать обществу или могут быть проданы частным фирмам? Преобладающий правовой режим позволяет университетам (и исследователям) патентовать и лицензировать свои продукты и получать доход от них, даже когда исследования оплачиваются федеральным правительством. Этот механизм не является следствием простого корыстного лоббирования (хотя этот момент, конечно, присутствует), но и желания конгресса гарантировать, что результаты научных исследований будут быстро и эффективно использоваться в практических целях, а также уверенности в том, что рынок служит наиболее действенным механизмом для осуществления этой задачи.⁴¹

Иными словами, ключевой вопрос касается не только первых двух смыслов «общественного» — кто платит или кто руководит? Речь идет о третьем смысле — кто и как получает выгоду? Создавая инновации, которые ведут к появлению новых потребителей и промышленных продуктов или новых способов лечения, университеты приносят пользу обществу. Насколько идеальна система вывода продуктов университетской науки на рынок — это другой вопрос, связанный с максимизацией прямой общественной пользы и сокращением негативных последствий наличия университетских исследований, направленных на получение денежной выгоды.

40 Также стоит отметить, что инвестиции *Novartis* не спасли фирму от финансового кризиса и что права на исследования в Беркли были проданы на открытом рынке другой фирме. См. об этом: Washburn J. University, Inc.; Kirp. Shakespeare, Einstein, and the Bottom Line.

41 См.: Mowery D. C., Nelson R. R., Sampat B. N., Ziedonis A. A. Ivory Tower and Industrial Innovation: University-Industry Technology Transfer Before and After the Bayh-Dole Act. Stanford: Stanford Business Books, 2004. Критику такого подхода см.: Washburn. Op cit.

Речь идет не просто о том, ценим мы или нет историю древнего мира или английскую литературу. Даже в естественных науках академические инвестиции и сам этос науки меняются под действием широкой ориентации на права интеллектуальной собственности. Это определяет темы, которыми занимаются студенты, и вопросы, которые ставят исследователи. Это также влияет на степень готовности исследователей делиться своим знанием и предоставлять результаты своих исследований на рецензирование и критическое рассмотрение, поскольку многие лицензионные соглашения исключают возможность раскрытия полученной информации и исследователи зачастую бывают заинтересованы в патентовании.

Но нужно помнить, что все это не так ново, как может показаться на первый взгляд. На протяжении столетия университетские исследователи постоянно занимались поисками источников финансирования. Благотворительные фонды были особенно важны для американского высшего образования (и их роль в мире становится все более важной). Следует помнить, что между благотворительностью и действиями, направленными на получение прибыли, никогда не было непреодолимой пропасти. Фонды Рокфеллера или Форда можно считать предприятиями, вкладывавшими огромные суммы капитала идеальным для получения прибыли образом, позволявшим затем вкладывать 5 % от этого капитала в год в развитие человека. Определенная часть этой институциональной любви к человеку, то есть филантропии, направлялась на поддержку университетских исследований. Но в целом новые фонды – наподобие фонда Гейтса – придают научным исследованиям меньше значения, чем старые, а старые – меньше, чем раньше.⁴²

Благодаря своей относительной гибкости и возможности использования для развития новых программ поддержка со стороны фондов составляет очень ценную часть финансовой базы университета. Такая поддержка играет важную роль в поддержании высокого уровня динамики в американских университетах. Фонды поощряют инновации, а инновации никогда не выходят из моды. Стоит отметить, что, несмотря на привычное осуждение инерции университетов, дела в них обстоят совсем не так плохо. Одной из вещей, которые общество вполне обоснованно ожидает от высшего образования, является определенное сохранение знания и воспроизводство образования. И проблема, с которой вечно приходится сталкиваться деканам, состоит в сложности продолжения исследований, начатых когда-то на средства фондов.

Пожертвования фондов в исследовательские бюджеты университетов сопоставимы с пожертвованиями частных лиц, часто предназначенных талантливым ученым, и иногда даже отстают от них. Существующие за счет налоговых льгот, профессионального сбора средств и лояльности выпускников своей *alma mater*, элитарные частные университеты больше всего выиграли от новой концентрации богатства в Соединенных Штатах. Уни-

42 См.: Katz S. Whatever Happened to the General Purpose Foundation? Who is Thinking About the Big Problems? // Waldemar A. Nielsen Issues in Philanthropy Seminar Series, Center for the Study of Voluntary Organizations and Service, Georgetown University, October 19, 2001.

верситеты, наподобие Гарварда, Дьюка и Стэнфорда, получили миллиарды долларов. Бывший ректор Принстонского университета Гарольд Шапиро назвал это «эмоциональной благотворительностью» (в отличие от «научной благотворительности» у Карнеги).⁴³ Она выражает любовь к человеку через стремление развивать цели или сохранить существование отдельных институтов высшего образования. И в этом состоит ее отличие от благотворительности, движимой заботой о материальных продуктах на открытых рынках или об общественном благе как таковом. Масштаб такой благотворительности огромен. И это новое богатство распределяется крайне неравномерно: вспомним, что Гарвардский университет получает за счет пожертвований до 25 миллиардов долларов (вдвое больше, чем фонд Форда), а большинство колледжей и университетов получают совсем немного или не получают вообще ничего. Ежегодные пожертвования составляют примерно половину бюджета Национального научного фонда и покрывают треть текущих расходов Гарварда. И все это не облагается налогами: пожертвования позволяют благотворителям претендовать на получение налоговых льгот, сами жертвуемые средства не облагаются подоходным налогом, а большая часть деятельности университетов освобождена от уплаты налога с продаж.

Поэтому самым богатым университетам все чаще удается заниматься исследованиями, независимо от правительства и фондов (хотя они и получают от них значительные средства). Следует отметить, что пожертвования редко совершаются без каких-либо условий. Те, кто сделал деньги в бизнесе, склонны давать деньги на изучение бизнеса или — иногда — болезней. Они не готовы выделять такие же средства для изучения социального неравенства или социальных движений. Благодаря глобализации такие пожертвования дают лучшим американским университетам преимущество не только перед другими американскими университетами, но и перед зарубежными университетами.

В других странах дела с финансированием исследований обстоят совершенно иначе. В большинстве стран они гораздо более централизованы в различных отношениях. Прежде всего, решающую роль в них играют национальные правительства. В Соединенных Штатах намного большую общественную поддержку университетским исследованиям оказывают штаты, а не федеральные власти. Этот аспект обычно оставляется без внимания, поскольку речь идет о финансировании не только исследований, но и заработной платы, материально-технической базы и других общих расходов. Большая часть средств от штатов поступает, конечно, к университетам штатов, но значительная поддержка оказывается и частным университетам. Кроме того, во многих странах основные средства на исследования выделяются органами центрального правительства, а частные фонды, пожертвования и сотрудничество с корпорациями играют второстепенную роль (хотя во многих странах прилагаются большие усилия для развития всех этих трех направлений). Наконец, многие правительства предпочитают

43 Выступление на конференции «Благотворительность и исследовательский университет» в Университете Эмори, 15–16 апреля 2002 года.

оказывать косвенную поддержку университетам, предоставляя финансовую помощь студентам, стремящимся получить высшее образование. Это меняет соотношение между отсевом и популярностью, хотя не обязательно слишком сильно. Конечно, такие программы существуют и в Соединенных Штатах, и иногда они пользуются поддержкой со стороны законодательной власти. Но обычно финансовой помощью распоряжаются сами университеты (в последние годы элитарные университеты предлагают всем своим аспирантам программы многолетней финансовой помощи). Хотя университеты используют аспирантов в качестве преподавателей, это делается не из желания сэкономить на расходах (для этого они могли бы обратиться к помощникам). Аспирантам платят неплохие деньги (особенно в частных университетах); и это является важной составляющей инвестиций институтов в исследования и престиж. С учетом затрат на обучение аспирантов они оказываются довольно дорогой рабочей силой.⁴⁴

Учитывая другие затраты на содержание университетов, материально-технической базы и университетских городков, доля затрат на исследования, которые несут сами университеты, будет намного больше. Но под «самими университетами» здесь имеется в виду главным образом некое сочетание накопленного богатства, оставшегося от предшествующих поколений, плата за обучение нынешних студентов или иные формы правительственного финансирования, не связанного с исследованиями напрямую (обычно, это касается средств, выделяемых штатом, а не федеральным правительством). Кроме того, когда речь идет о финансировании исследований, обычно учитываются только средства, которые поступают именно как финансовые выплаты, предназначенные для проведения исследований. В этом случае не учитывается поддержка, оказываемая университетами литературоведам или историкам, исследования которых зависят не от перечисления новых средств, а от доступа к хорошей библиотеке.

Наконец, профессорско-преподавательский состав и аспиранты также оплачивают затраты на исследования. Они делают это как напрямую из своего кармана, так и тем, что исключают возможность потратить свое время на другую, потенциально более выгодную деятельность. Перспективы получения материального вознаграждения за такую работу неясны, но для большинства возмещение за исследования и написание академических книг и статей оказывается значительно меньше, чем даже минимальная заработ-

44 Конкретные механизмы финансирования различаются; наиболее распространенной схемой в элитарных частных университетах служит выплата аспирантам стипендий (12–25 тысяч долларов в год) и освобождение от платы обучение (20–35 тысяч долларов в год) на протяжении четырех-пяти лет. От них могут требовать чтения курса лекций в течение какого-то или всего времени обучения (или взятия на себя половины нагрузки преподавателя, связанной с выполнением иных обязанностей). Это составляет 16–30 тысяч долларов за курс продолжительностью в один семестр. Университеты не обязательно руководствуются при принятии решений интересами студентов (они принимают больше студентов, чем того требует рынок труда), но они вынуждены вкладывать средства в аспирантов из-за конкуренции с другими университетами за престиж.

ная плата, за исключением тех случаев, когда это служит основой для повышения заработной платы или продвижения по службе.

Итак, запомним, что: 1) федеральное правительство по-прежнему остается самым крупным прямым источником средств, хотя его поддержка заметно сократилась и наблюдается серьезный перекоп в направлении некоторых весьма определенных направлений работы; 2) частные коммерческие инвестиции все еще сравнительно невелики, хотя они растут, и сосредоточены в основном в нескольких очень ограниченных областях; 3) поддержка со стороны фондов значительна, но недостаточно велика, чтобы быть определяющей, и она может быть очень важной, когда она направляется на направления работы, не поддерживаемые правительством; 4) профессорско-преподавательский состав и аспиранты сами оплачивают значительную часть своей собственной исследовательской деятельности; 5) университеты сами оплачивают значительную часть расходов на исследования, а используемые для этого средства поступают извне (пожертвования частных лиц, доходы от активов, бюджет штата или плата за обучение студентов).

ИНТЕРЕСЫ ОБЩЕСТВА

Что говорит нам рассмотрение того, кто платит за исследования, о том, кто *должен* получать пользу от университетских исследований? Первым и главным ответом должно быть «общество». Общество оплачивает большую часть расходов напрямую через правительственные перечисления и еще больше косвенным образом, например, через освобождение от уплаты налогов. Но общество оплачивает не только расходы общественных институтов, но и большую часть исследований (и значительную часть иных затрат) частных институтов. Помимо правительственного финансирования, многие частные источники также действуют при поддержке общества. Освобождение от налогов — один из важных механизмов, позволяющих частным фондам брать на себя общественные обязательства. И когда частные фирмы заключают контракты с университетами на проведение исследований, они получают от этого большую выгоду (им пришлось бы потратить значительно больше, если бы они проводили такие исследования самостоятельно), поскольку они обычно не оплачивают издержки самого университета, а платят только за дополнительные расходы на исследования; кроме того, они не обязаны поддерживать занятость исследователей в долгосрочной перспективе.

Но главный вопрос состоит в том, каким образом общество получает выгоду? Легко сказать, что если общество оплачивает большую часть издержек, связанных с университетскими исследованиями (и существованием исследовательских университетов), то оно и должно получать выгоду. Куда сложнее сказать, как именно это должно происходить, особенно учитывая множество конкурирующих притязаний. В налоговых законах обычно указывается, что освобожденная от уплаты налогов некоммерческая организация (фонд или университет) должна работать прежде всего на благо общества, а не ради своего собственного блага и блага своих членов. В них не указывается, насколько

ко широким должно быть общество и насколько большой должна быть работа на его благо. Этими вопросами должны задаваться университеты.

Общество получает выгоду, прежде всего, посредством общей заинтересованности в знании. Это традиционная просвещенческая идея о том, что подлинное знание в конечном счете является благом для всего человечества. Я согласен с этим, но я не считаю, что уточнение «в конечном счете» является строгим, поэтому выгоды от знания могут распределяться крайне неравномерно. Облеченные доверием общества, университеты должны ограничивать такое неравенство.

В этом смысле существует противоречие в поведении и представлениях профессорско-преподавательского состава исследовательских университетов о самом себе. С одной стороны, мы постоянно делимся знанием и создаем его. Мы делимся им в нашей преподавательской деятельности, в профессиональном общении, в публикациях. С другой стороны, мы занимаемся сохранением и накоплением знания. Мы сохраняем знание в статьях, публикуемых в недоступных академических журналах и пишущихся для того, чтобы получить одобрение горстки коллег, или просто для строчки в резюме. Мы считаем, что возможность занятия исследованиями не связана с согласием на это со стороны общества, а представляет собой некую награду за успехи в предшествующих исследованиях, и мы зачастую считаем сами исследования еще одним испытанием, прохождение которого открывает возможность получать дополнительные карьерные блага, а не приносить пользу другим. Мы опираемся на размытые понятия, наподобие «накопления» знания, чтобы оправдать исследования, которые часто лишены всякого смысла (за исключением их места в индивидуальной карьере), и мы с презрением относимся к исследованиям, ориентированным на практические социальные проблемы или нынешний общественный дискурс, считая их не такими «чистыми». Мы прилагаем слишком много усилий для сохранения автономии дисциплин вместо того, чтобы обеспечить развитие знания в междисциплинарных проектах и его более широкую циркуляцию.⁴⁵ Во всяком случае слишком много исследований проводится для повышения или сохранения престижа и положения университетов и индивидов, а не для более благородных целей.

Нам необходимо четко понимать это (что наши мотивы не так чисты) прежде, чем выражать недовольство ростом коммерческого финансирования или коммерческой организации университетской работы. Социологи

45 Принято считать (см.: Jencks C., Riessman D. *The Academic Revolution* [New York: Doubleday, 1968]), что профессора и преподаватели зачастую идентифицируют себя со своими дисциплинами сильнее, чем со своими университетами, так как мобильность и заработок в большей степени зависят от дисциплинарного признания. Качество преподавания обычно получает (если вообще получает) признание на местном уровне, тогда как престиж исследований виден всем. Кроме того, мне кажется, что профессора и преподаватели вступают в соответствующие научные общества с тем, чтобы подтвердить ценность своего исследовательского вклада для самих себя, и считают свою работу в университетах свидетельством своей «полезности» для преподавания, общественной деятельности или привлечения средств.

Уолтер Пауэлл и Джейсон Оуэн-Смит показали, что ученые в университетских лабораториях более склонны к «накоплению» оборудования и экспертизы, чем ученые в промышленных лабораториях.⁴⁶ Это позволяет по-новому взглянуть на индивидуальную и коллективную работу (в статьях могут цитироваться десятки авторов, что серьезно осложняет оценку вклада отдельного автора комитетами профессоров и преподавателей, принимающих кадровые решения). Такое различие может быть обусловлено тем простым обстоятельством, что опционы на акции для сотрудников промышленных лабораторий побуждают их заботиться об общем успехе, хотя, конечно, академические ученые тоже стремятся к развитию научного знания в целом и своих университетов в частности (разве не так?).

Дело не в том, что университетские исследователи как-то особенно себялюбивы или ревнивы, а в том, что исследования и вознаграждения за исследования тесно связаны с производством университетской иерархии, а не только

с развитием знания для всех. Эта иерархия важна не только для индивидуальной карьеры, но и для относительного положения самих институтов. Она также связана с вознаграждениями, которые студенты рассчитывают получить взамен платы за обучение и полученные степени. Репутация исследовательских университетов переводится в престиж для выпускников, и этот культурный капитал часто может обмениваться на рабочие места и финансовую выгоду. Но они распре-

РЕПУТАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
УНИВЕРСИТЕТОВ ПЕРЕВОДИТСЯ В
ПРЕСТИЖ ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ, И
ЭТОТ КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ ЧАСТО
МОЖЕТ ОБМЕНИВАТЬСЯ НА РАБОЧИЕ
МЕСТА И ФИНАНСОВУЮ ВЫГОДУ

деляются на основе конкурсного приема студентов, а не только успешных исследований. Университеты финансируют исследования отчасти потому, что они окупаются, позволяя им привлекать больше новых и «лучших» студентов. В зависимости от политики приема и поддержки научной работы они могут набирать студентов, открывая новые возможности для менее образованных групп, хотя они не обязательно должны быть просто эгалитарными. И все же идеология индивидуальных достижений и меритократического приема может привести к тому, что профессора и преподаватели или студенты станут считать свой доступ к особым общественно финансируемым ресурсам само собой разумеющимся. В действительности, само существование этого элитарного статуса во многом объясняется серьезным неравенст-

46 Powell W. W., Owen-Smith J. The New World of Knowledge Production in the Life Sciences // The Future of the City of Intellect / Ed. S. Brint. Stanford: Stanford University Press, 2002. P. 107–132; Owen-Smith J., Powell W. W. Careers and Contradictions: Faculty Responses to the Transformation of Knowledge and Its Uses in the Life Sciences // The Transformation of Work / Ed. S. P. Vallas. New York: JAI Press, 2001. P. 1–9, 40.

вом в финансировании, которое доступно для институтов, занимающих различные места в университетской иерархии. Короче говоря, люди становятся элитой не только потому, что они хороши (если они вообще хороши), но и потому, что существует система, которая создает такие элитарные места и готовит людей для них.⁴⁷

Тем не менее научные поля зависят от своей способности производить легитимный авторитет. Это означает, с одной стороны, что они обладают системой стимулов и вознаграждений, поощряющей действительно выдающиеся достижения, а с другой — что они образуют важные публичные сферы, в которых происходит рассмотрение и оспаривание притязаний на истину и открытый обмен информацией. Проприетарное финансирование и сосредоточенность на потенциально прибыльных правах интеллектуальной собственности бросает вызов как нормативному этосу, так и практике научной работы, когда налагаются ограничения или запреты на публикацию и распространение открытий. По выражению Роберта Мертона, «коммунизм научного этоса несовместим с пониманием технологии как “частной собственности” в капиталистической экономике».⁴⁸ Конечно, у финансирования, основанного на правах на интеллектуальную собственность, есть свои преимущества, поэтому оно вызывает противоречия в системе, но не обязательно ведет к ее краху. Имеются и другие препятствия эффективной публичной коммуникации — от роста издержек журналов и финансового кризиса университетских издательств до медленной институционализации эффективного контроля качества в Интернете. Точно так же призывы к общественному участию профессоров и преподавателей — и к академическим полям, как в случае с «публичной социологией» — поднимают вопрос о степени присутствия в этом предприятии подлинно научных знаний и о завоевании и оценке авторитета.

Большое значение для всякого успешного развития научного или университетского поля, способного обеспечить общественную жизнь необходимым знанием, имеет развитие специфических для данного поля процессов коммуникации и критики — того, что Мертон называл «организованным скептицизмом». Как было показано философами науки от Пирса до Поппера, процессы опровержения и исправления так же важны, как и подтвержде-

47 При всем своеобразии французского контекста см.: Bourdieu P. Homo Academicus. Stanford: Stanford University Press, 1984. Существует также вопрос о том, насколько «знание ради знания» служит оправданием всей академической работы. Во многом оно является необходимой легитимацией и задачей научного поля. Внутренние стандарты научного поля заключаются в обеспечении престижа его членам. Но деятельность исследовательских университетов совсем не обязательно должна организовываться на этой основе. Например, этот критерий может быть одним из многих при подготовке преподавателей, юристов или других профессионалов. Знание, которым они обладают, имеет большое значение, но стремление к нему ради него самого не должно исключать другие аспекты профессиональной подготовки (в том числе распределение и воспроизводство более «базового» знания, включая более или менее формализованные «навыки»).

48 Merton R. Social Theory and Social Structure. P. 612.

ние. Это касается науки в целом, более определенных областей и способов производства и легитимации. Иными словами, для эффективного взаимодействия с обществом научные поля нуждаются во внутренней, самокорректирующейся коммуникации. А для этого «члены» университетов — особенно студенты и профессорско-преподавательский состав — должны притязать на самостоятельное определение (и участие в выгоде от) своей работы. Они должны иметь такие притязания постольку, поскольку они занимаются исследовательской работой отчасти за свой собственный счет.

Университеты — это в значительной степени интеллектуальные сообщества. Студенты поддерживают существование этих сообществ не только своей платой за обучение, а профессора и преподаватели не только преподаванием или исследовательской деятельностью в специализированных областях. И студенты, и преподаватели образуют такие сообщества, вступая в интеллектуальное взаимодействие друг с другом. Крайне важно общение, которое не ограничивается дисциплинами и субдисциплинами, позволяющее выявить интеллектуальные и этические «белые пятна». Для поддержания такого общения, а также для проведения своих индивидуальных исследований, профессорско-преподавательский состав и студенты выдвигают обоснованные требования, связанные с обеспечением основной материально-технической базой, наподобие библиотек и аудиторий. Они также просят друг друга о помощи — исследователь классической литературы может обращаться с просьбами к специалисту по компьютерам, а специалист в области биомедицины может предложить социологу помощь в совершенствовании методов изучения уровня жизни. Это важно, прежде всего, потому, что подобный интеллектуальный обмен составляет основу университета и объясняет, почему университетам удается производить такие высококачественные и ценные исследования. В отсутствие подобного взаимодействия университеты лишаются своих сравнительных преимуществ перед другими исследовательскими организациями.

Наконец, инвесторы и спонсоры выдвигают свои притязания на получение выгоды от исследований. Однако такие притязания должны быть опосредованы требованиями, предъявляемыми к подобным исследованиям обществом. Пользуясь тем, что проводимые университетами заказные исследования не облагаются налогами и/или приравниваются к помощи общественному институту, частные инвесторы, решающие извлечь пользу из таких исследований, оказывают влияние на более широкий круг людей, нежели их собственные акционеры, менеджеры или рабочие. Схожая проблема возникает и с частными спонсорами, когда руководство университетов говорит им, что их пожертвования будут с радостью приняты в том случае, если они помогут сохранить особую исследовательскую культуру университета, а это значит, что они не могут диктовать, кто будет занимать кафедры, созданные на такие пожертвования, или что будет на них преподаваться. Вопрос о границах проприетарных исследований пока не решен. Я исхожу из того, что притязания инвесторов, в том числе корпоративных, легитимны, но они не абсолютны.

Это возвращает нас к идеалу университета как своеобразного сообщества. Разговоры об этом идеале не редкость, но реальность противоречит ему. Масштаб и дифференциация университетов, издержки научных исследований, требования преуспевающих преподавателей о повышении, влияние дисциплины на назначения, стаж и вознаграждения — все это препятствует интеллектуальному сообществу. Хотя сохранение университетов зависит от взаимной поддержки и сотрудничества между образующими его единицами, логика «коммерческих центров» и самостоятельное обращение к частным спонсорам и к рынку для привлечения студентов препятствует финансовому и интеллектуальному обмену. В действительности, исследования могут быть одним из общих интересов, объединяющих членов сложных современных университетов, но это верно, когда в нем ведется интеллектуальное обсуждение, когда осуществляется выход за рамки узких субдисциплин и когда он не используется исключительно для производства определенного продукта. Хотя это возможно, сегодня дело обстоит иначе. Скорее, внутренняя дифференциация университетов ведет к разобщению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Профессора склонны считать, что университеты существовали всегда или исторически сложились для того, чтобы давать им работу. Парадоксальным образом это верно как для «прогрессивных» критиков *status quo*, так и для консерваторов, обеспокоенных восстановлением воображаемого золотого века. Во многом это обусловлено необычным сочетанием аристократических представлений о классовых привилегиях и меритократических взглядов отличников. Иными словами, большинство профессоров и преподавателей считает, что они заслуживают своей работы в университете на основании своих проявленных ранее качеств. Они могут сознавать, что на самом деле их способность демонстрировать достоинства — получать хорошие отметки в детстве и высшие баллы на экзаменах в юности или писать диссертации в молодости — отчасти обусловлена их привилегированным положением (от культурного капитала их родителей, проживания в районах с сильными средними школами, позволявшими поступить в университет, до экономического положения и свободного времени или, по крайней мере, свободы от острой экономической нужды, необходимой для обучения в аспирантуре). Но они — точнее, мы, так как я не исключение, — вероятно, согласятся с этой сумбурной критикой глобального неравенства, будучи при этом полностью уверенными в том, что они заслуживают уважения, так как обладают всем необходимым для этого.

Те, кто оплачивает счета, обычно придерживаются иных взглядов. И эти другие взгляды варьируются от спасения души до раскрытия тайн природы, поддержки экономического развития и помощи молодежи в получении лучших рабочих мест. Очевидно, что такие подходы пересекаются. Профессора тоже считают, что университеты существуют для того, чтобы давать образование, заниматься исследовательской работой и приносить пользу

обществу. Но профессора склонны считать, что на основании своих ранее проявленных качеств они заслуживают привилегированного и во многом самостоятельного определения повестки дня. И в этом смысле я считаю, что профессора должны обладать частичной самостоятельностью и играть определяющую (хотя и не решающую) роль в определении академической повестки дня. Но не из-за своих «достоинств». Дело в том, что для нормального функционирования высшего образования и производства продуктов, которые делают его важным для общества в целом, необходима определенная самостоятельность. Иными словами, профессора заслуживают того, чтобы занимать свои должности, не столько из-за того, что они были отличниками, сколько из-за того, что они проделывают важную работу — и в той степени, в какой они действительно проделывают такую работу. Привилегия университетской карьеры — это не награда за прошлые достижения, а возможность движения вперед в будущем. Прошлые достижения важны потому, что они позволяют оценить будущий вклад, который, несомненно, значителен. Но нужно помнить о главном: финансовая и иная поддержка зависит от ожидаемой продуктивности.

И эта продуктивность обусловлена крупными социальными институтами, а не просто блеском или иными качествами индивидов. Она зависит от множества систем обеспечения, но также и от сотрудничества. Она зависит от исторической преемственности, которая позволяет нынешним поколениям не только стоять на плечах гигантов, но и вносить свой вклад в процессы все большего совершенствования знания и участвовать в постоянной коррекции, что делает развитие знания во многих областях скорее зигзагообразным, а не линейным (независимо от наличия или отсутствия революционных прорывов). И не в последнюю очередь продуктивность научного сообщества зависит от того, насколько оно внутренне организовано как публичная сфера с внутренними и иногда пересекающимися публичными спорами, предполагающими непрерывную критику и уточнение новых аргументов и предварительно установленных истин. Как известно, Пирс описывал научную истину как то, чему квалифицированные ученые верят после соответствующей публикации и обсуждения. Общая идея применима и к другим областям, включая гуманитарные науки и большую часть профессиональных знаний. Ключевой вопрос заключается в том, что делает возможной работу этих дисциплинарных, субдисциплинарных и междисциплинарных публичных дебатов и этой более широкой публичной сферы.

Ответ должен быть связан с организацией академических институтов и академической работы в областях, которые накладывают внешние ограничения на такие критические дебаты, причем такие ограничения всегда позволяют сохранять частичную автономию. Необходим и переход границ: физики иногда должны спорить с химиками, а социологи — с экономистами. Имеются и нормативные структуры, которые определяют взаимодействие внутри границ и между ними. Они включают широкие нормы, наподобие беспристрастности, а также более узкие, наподобие владения необходимым техническим и концептуальным инструментарием для уча-

ствия в соответствующих дебатах и достаточно хорошего знакомства с существующей литературой, позволяющего избежать повторного изобретения велосипеда. Области и субобласти, которые слишком тщательно охраняют свои границы, могут оказаться бесполезными и замкнуться в рамках сложившихся парадигм, становясь все более уязвимыми для вызовов извне. И, наоборот, области без границ могут оказаться забитыми всем, чем угодно, как поля сорняками. То же относится к университетской системе в целом: если ее стены слишком прочны, она рискует оказаться не у дел или в руках тех, кто контролирует ее ресурсы, решая извне, каким образом она должна меняться. Но если сломать все стены, то университеты утратят свою способность создавать долгосрочные интеллектуальные программы вместо сиюминутных ответов на непосредственные нужды, а для профессора и преподавателя — авторитетно высказываться в рамках определенных сфер компетенции. Также исчезнет основа для внутреннего публичного обсуждения, направленного на постоянное исправление ошибок и совершенствование понимания, которое дает участникам стимулы заниматься поиском истины, а не просто использовать знание в других предприятиях.

Университетам приходится лавировать между популистскими призывами к доступности даже за счет интеллектуального авторитета и эгоистическим стремлением к престижу как самоцели и как основанию для получения привилегий и выгоды. Вопрос в том, можно ли достичь баланса между качеством и доступностью, принимая во внимание не только трения между ними, но и превратное понимание первого. И хотя иерархия может быть неизбежной, она все же доходит до крайностей в росте расходов и извращении задач университета.

Я не собираюсь осуждать профессоров за эгоистичное забывание ими общезначимых вещей в своих представлениях об академических институтах. И я не собираюсь поддерживать заявления всех тех, кто считает, что университеты должны существовать главным образом для выполнения второстепенных интеллектуальных задач — от экономического развития до узкой подготовки специалистов. Скорее, я хочу сказать, что самосознание университетской среды — классовое сознание профессоров — помешало пониманию серьезных трансформаций в университетах, высшем образовании и производстве знания и не дало сосредоточить внимание на общественных задачах университетов, которые на самом деле, скорее всего, в будущем станут легитимными академическими ценностями. Иными словами, университет не должен легитимироваться ни частными благами, на которые притязают студенты, предприниматели и торговцы интеллектуальной собственностью, ни частными благами, на которые притязают профессора и исследователи.

Происходящую сейчас трансформацию невозможно объяснить как простое «нападение» на университеты со стороны близоруких политиков, хотя и такое бывает. Она сложна, и на нее влияет множество различных социальных сил. Правительство не управляет ею, хотя изменения в правительственном финансировании, особенно на уровне штата, свидетельствуют о том, что оно все же играет в ней не последнюю роль. Не управляет ею

и бизнес, хотя коммерциализация научно-исследовательской деятельности и применение бизнес-моделей к высшему образованию являются одной из ее основных составляющих. И ею не управляют благотворительные фонды, хотя такая благотворительность может играть определенную роль в придании ей осмысленности и выработке правильных ответов на нее. Никто не управляет ею, хотя многие имеют ставку в институтах, а некоторые пытаются извлечь для себя выгоду из этих изменений. Но отсутствие управления не означает, что перемены не имеют направленности.

Одно направление изменений кажется очевидным, хотя его причины сложны: сокращение роли государственного финансирования в элитарных исследовательских университетах. Университеты становятся не дешевле, а дороже, вследствие соперничества друг с другом в академической области за получение инвестиций в дорогостоящие исследования. Университеты все больше зависят от частных средств и выстраивают свою организацию так, чтобы получать средства из нескольких различных источников — от студентов, от благотворителей, от корпораций и от продажи своей собственной интеллектуальной продукции. В этом контексте понятно, что университеты приносят огромную пользу обществу, но куда менее понятно, каким образом следует организовать общественные инвестиции или академические практики для получения максимально возможной общественной пользы. Также понятно, что публичная коммуникация между учеными и исследователями жизненно важна для них, что она может приносить пользу обществу и что она должна осуществляться как в полуавтономных научных областях, так и на намного более широких публичных форумах. Но растущие издержки на публикацию печатных изданий, медленная институционализация стандартов качества в Интернете и запреты, связанные с правами на интеллектуальную собственность, ставят такую коммуникацию под угрозу.

Короче говоря, чтобы университеты были эффективными институтами, приносящими пользу обществу, нам нельзя просто цепляться старые традиции или гнаться за новыми тенденциями. Нам нужно тщательно проанализировать общественную роль университетов, возможности финансирования, возможные выгоды и их распределение и — быть может, самое главное — возможность продуманного ответа на эти вопросы в публичном обсуждении в университетах на национальном и международном уровне.

Перевод с английского Артема Смирнова